

MONGOLICA-XII

Сборник научных статей по монголоведению
Посвящается 130-летию со дня рождения Б. Я. Владимирцова (1884–1931)

Б. В. Эльбикова

Концепт *торма* в оригинальном и переводном текстах сказок *Сидди Кюр*

Статья посвящена рассмотрению концепта *торма* в оригинальном и переводном текстах сказок *Сидди Кюр*. В статье анализируется «глубина восприятия» буддийской реалии *торма*, передающей национальный колорит как в оригинальном, так и в переводном текстах. Настоящая статья представляет интерес для фольклористов, этнографов и культурологов.

Ключевые слова: концепт *торма*, сборник сказок *Сидди Кюр*, оригинальный и переводной тексты, этническое своеобразие.

В современном полиэтничном обществе фольклор способен стать основой диалога культур, так как устное народное творчество разных народов имеет общечеловеческие черты и в то же время отражает то специфическое, особенное, характерное для данного народа и его культуры, что может быть ценным для мировой культуры в целом. Одним из эффективных средств трансляции духовных ценностей, содержащихся в фольклорных произведениях, являются переводы. Каждый фольклорный текст содержит кодовые слова, выражения, формулы, в которых аккумулируются знаковые явления, события, образы, символы. При переводе оригинального фольклорного текста на другой язык такие сегменты требуют особого комментария.

В данной работе мы попытаемся рассмотреть один из них — слово *торма*, которое встречается многократно в тексте сказок *Сидди Кюр*, сюжеты которых заимствованы из древнеиндийского сборника рассказов «Двадцать пять рассказов Веталы», который стал широко известен среди монголов, в том числе ойратов, под названием *Сидди Кюр* в связи с распространением буддизма.

Б. Я. Владимирцов отмечал, что «монгольский сборник сказок *Сидди кюр* несет на себе уже очень ясный отпечаток буддизма» [Владимирцов, 1958. С. 11] и «имеет много отличного от индийского прототипа» [Владимирцов, 1958. С. 10]. Став частью калмыцкой фольклорной традиции, сказки *Сидди Кюр* сохранили свои буддийские реалии, проявляющиеся в калмыцких текстах на всех уровнях (мотивов, образов, формул и т. д.).

Как в оригинальном, так и в переводном текстах сказок *Хан, түүнэ иньг түшмл хойр* (калм.), («Царевич и его друг министр» (рус.), «The Gold-Spitting-Prince» (англ.), XV. Erzählung (нем.); *Хахан толхата белгч* (калм.), «Знахарь со свиной головой» (рус.), «The Pigs head soothsayer» (англ.) многократно встречается слово *дорма*.

Рассмотрим «глубину восприятия» буддийской реалии *дорма*, передающей национальный колорит как в оригинальном, так и в переводном текстах. *Дорма* (калм. *дарм*, тиб. *торма* «*gtorma*») — заимствованное монголами тибетское название особого рода жертвенного подношения в честь разных духов, приготовляемого из муки и масла [Владимирцов, 1958. С. 27].

В калмыцком устном варианте *Сидди Кюр*, записанном с использованием современной калмыцкой орфографии, встречаем различные варианты слова *дорма*. Этимологически тибетский термин *торма*, означающий жертвенный объект как подношение, происходит от глагола *торва* (тиб. *gtorba*), означающего ‘разбрасывать’, ‘раскидывать’ или ‘рассыпать’. Глагольный корень *тор* также подразумевает акт даяния без привязанности как выражение чистого намерения, суффикс *ма* означает ‘мать’ и подразумевает лишенную эгоизма безусловную любовь, которой мать окружает своих детей [Бир, 2013. С. 273]. Буддийская реалия *торма* зарегистрирована русско-английскими и англо-русскими словарями: *торма* (тиб. *gtor-ma*) — ритуальные изделия из масла и теста (подносимые в качестве жертвоприношения [Дылыкова-Парфионович]. Oxford Dictionary of Buddhism (*Tibetan, gtor-ma*). Literally ‘a cast-out thing’, a tormā is a sculpted offering made of coloured barley flour and butter used in tantric rituals as an offering or propitiation to various spiritual beings [Oxford Dictionary of Buddhism].

Своей формой *торма* призвана напомнить практикующему о горе Сумеру (калм. *Сүмр уул*), считаемой самой священной из всех гор, центром мира, почитаемой калмыками и как символ накопления добродетелей и заслуг. Фигурки *торма* помещаются на алтарь, а затем церемониально разламываются и сжигаются или бросаются в воздух. Искусством изготовления и подношения *торма* должен владеть каждый лама [Кубарева, 2007].

Фольклор как художественное отображение картины мира развивается из мифологии, которая является «древней формой религиозного познания действительности, «связанной с интуитивно-эзотерическим способом ее постижения, заклинаниями, магическими ритуалами и, как правило, языческой символикой» [Леви-Строс, 1958. С. 57]. В этом смысле интересно отметить, что тибетский буддизм сохранил древние добуддийские традиции и ритуалы. Свидетельством тому являются и красные *торма*, которые преподносятся гневным божествам и защитникам вместо жертвенных животных, и белые *торма*, изготовленные в форме животных, адресуемые нагам, змееподобным обитателям недр земли и воды [Кубарева, 2007]. Торма Лю в виде человеческой фигурки традиционно готовится из цампы, масла и воды и отдаётся на откуп злым силам и духам. Одновременно людям раздаются Чанг-Бу, кусочки теста, вбирающие в себя болезни и негативные энергии. Затем вместе с Лю они выносятся из молитвенного зала. Участники ритуала представляют, как препятствия и недуги покидают их, улетая словно рой пчёл [Кубарева, 2007].

С целью максимального сохранения национального стиля оригинала сказок «Сидди кюр», а также этнически обусловленных моральных ценностей, культурных приоритетов европейские переводчики

Б. Юльг и Р. Х. Баск используют санскритизм *балц* (*Baling triff, Baling cakes*), несущий значительную этническую информацию для понимания иной культуры, сколь бы «экзотичной» она ни была. Кроме того, у Запада знакомство с буддизмом уже состоялось и данная лексема была ассимилирована европейскими языками, да и в целом была понятна его носителям. Следует заметить, что данный санскритизм в калмыцком языке отнесен к разряду исчезнувших (полузабытых слов), как и большинство терминов религиозного культа [Бардаев, 1985. С. 70—71].

Важно подчеркнуть, что перевод выступает в том числе и для самих носителей культуры, в особенности для молодого поколения, утрачивающего родной (калмыцкий) язык, как инструмент декодирования фольклорного текста, источник этнической информации, что особенно актуально в условиях современной внутрикультурной и транскультурной коммуникации.

В рассматриваемых сказках наличие упоминаний *дорма* демонстрирует важность понимания сути не только религиозных образов, но и религиозно-магической буддийской практики в фольклорном контексте.

Предлагаем сравнительную таблицу употреблений слова *торма* в разных источниках:

«Хан, түүнэ иньг түшмл хойр» [7, с. 11]	«Царевич и его друг министр» [1, с. 27]	«The Gold-Spiting-Prince» [8, с. 26]	XV. Erzählung [9, с. 63]
Тер өдр ик хург боллад, тенгряс һаһа-экин хээрлсн <i>дарм</i> кенэ тол һа дер унна, тер күн хан болх гисн ши-идвр кенэ.	В тот день было устроено большое собрание, на котором было решено сделать царем того, на чью голову падёт <i>жертва-дорма</i> , брошенная с неба Гагай-егечи («Тётушка»).	As soon as day broke the people began to assemble, and many ceremonies were performed. At last the people said, «Let us take one of <i>the Baling-cakes</i> out the straw sacrifice, and throw it up into the air, and on to whosoever's head it falls he shall be our Khan».	Eine grosse Versammlung hatte sich an diesem Tage versammelt. «Unter des Himmels Entscheidung», so wurde bestimmt, «werfen wir auf der Höhe beim Streuopfer eine Teigfigur; auf wessen Haupt <i>dieser Baling triff</i> , den setzen zum Châne wir ein».

В сказке «Знахарь со свиной головой» слово *дорма* используется в значении 'жертвенный козел'. Об этом наглядно можно судить по следующей фразе: *Энүнэ хөөн гемтэ хаана көвүнэ өөр ирдэ ик- баһарн күүнэ чиңгэ Дорм кенэд, деернь толһаһан хатхчад, ном умисн бээдл һарһв.* ('Примите это и оставьте больного человека в покое'). Сказочное и религиозное, тесно переплетаясь, вместе создают особое пространство, нацеленное на соблюдение морального закона ответственности, воздаяния за совершенные

поступки. Вместе с тем буддийская составляющая завуалирована в совокупности обрядовых действий, связанных с ритуалом выкупа жизни. Неудивительно, что западному человеку, воспитанному в христианских традициях, описание данного ритуала в фольклорном тексте сказки может показаться парадоксальным, странным. Вместе с тем именно эти компоненты составляют этническое своеобразие сказок *Сидди Кюр*, что наглядно видно из следующей таблицы:

«Һахан толһата белгч» [7, с. 15]	«Знахарь со свиной головой» [1, с. 40]	«The pigs head soothsayer» [8, с. 56]	«XV. Erzählung» [9, с. 74]
«Нанд һахан толһа тавн зүсн торһн, нег ик <i>дарм</i> кергтэ» гиж хан келв. Келсн юмсинь цугтнь авч ирдэ өгнэ. Белгч һахан толһаг	«Мне нужны, — отвечал тот, — свиная голова, пятицветный шелк и одна большая <i>дорма</i> ». После того как все было приготовлено, га-	«Let there be given me», answered the man, «a pig's head, a pice of silk stuff woven of five colours, (5), and <i>a large Baling</i> (6) these	Als er seine Verbeugung gemacht, fragte der Chân: «Was ist erfoederlich, um deine Wahrsagenkunst zu sehen?» «Zu der Wahrsagung»,

<p>моднд өмсчкэд, тавн зүсн торхан боочкад, дарман дернь тэвчкв. Тигчкэд хурвн өдр, хурвн сө уха туңһасн бээдл һарһна.</p>	<p>датель надел на палку свиновую голову, привязал к ней пятицветный шелк и поставил дорму; затем он сделал вид, что в течение трех суток совершает созерцание.</p>	<p>are things which I require for the divination All these things being given him, he set up the pig's head on a pedestal of wood, and adorned it with the silk stuff woven of five colours, and put the Baling — cake in its mouth. Then he sat down over against it, as if sunk in earnest contemplation.</p>	<p>versetzte jener, «ist erforderlich ein grosser Schweinskopf, ein fünffarbiges Seidentuch und ein grosser Baling: diese Dinge sind erforderlich». Als man ihm all das zur Verfügung gestellt, da befestigte der Zaubere den Schweinskopf auf der Spitze eines Holes, putzte ihn mit den fünffarbiges Seidenstoffen aus und steckte ihn in den grossen Baling ein.</p>
<p>«Нахан толһата белгч» [7, с. 17]</p>	<p>«Знахарь со свиной головой» [1, с. 43]</p>	<p>«The pigs head soothsayer» [8, с. 59]</p>	<p>«XV. Erzählung» [9, с. 77]</p>
<p>Энүнэ хөөн гемтэ хаана көвүнэ өөр ирэд ик- баһарн күүнэ чингэ Дорм кеһэд, деернь толһаһан хатхкад, ном умшһн бээдл һарһв.</p>	<p>Затем он устроил подле больного царевича дорму величиной с человека, водрузил на нее свиную голову и сделал вид, что читает заклинания.</p>	<p>But the man continuing to support character of soothsayer, ordered a Baling as big as a man to be brought to the head of the Khan's bed, and placed the pig's head on top of it, and then sat himself down over against it, murmuring words of incantation.</p>	<p>Der Zaubermeister stellte bei dem Kopfkissen des Chânes einen Baling von Menschengrösse auf, befestigte den Schweinskopf daran und setzte sich ruhig nieder, seine Zauberworte dabei hermurmelnd</p>
<p>«Нахан толһата белгч» [7, с. 17]</p>	<p>«Знахарь со свиной головой» [1, с. 44]</p>	<p>«The pigs head soothsayer» [8, с. 61]</p>	<p>«XV. Erzählung» [9, с. 78]</p>
<p>Нахан толһаһан авад хаана көвүнр орж ирэд оорнь суув. Наханнь толһаһан дэ-кэд дорм дер хатхкад, ном умшжах бээдл һарһкад, хаана көвүнэс шалтгин зөвүр яһжахин сурв.</p>	<p>Взял он свиную голову, вошел к царевичу и сел подле него. Опять он водрузил свиную голову на дорму и притворился читающим заклинания, после чего спросил царевича, в каком положении его болезнь.</p>	<p>When he heard all this, he left off from following the goat, and went back with good courage, to take up his place again over against the pig's head by the side of the Khan's couch. In the morning the Khan woke, refreshed with his slumbers and when they inquired how he felt...</p>	<p>Er begab sich mit dem Schweinskopf zurück, steckte ihn neben dem Kopfkissen des Chânes auf den Baling, und al ser mit seinen Sprüchen und der Betrachtung zu Ende war, fragte er, zum Schein emit lauter Stimme rufend: «Wie steht es mit der Krankheit des Chânes?»</p>

В конце XIX—начале XX в. буддизм, начав распространяться на Западе и в России, к концу XX столетия стал составной частью современной культуры. Сегодня благодаря растущей популярности тибетского буддизма тибетизм *торма* прочно

вошел в лексический фонд как калмыцкого, так и европейских языков, не утратив своей буддийской семантики, подтверждением чему являются как оригинальные, так и переводные тексты.

Использованная литература

Бардаев, 1985: *Бардаев Э. Ч.* Современный калмыцкий язык (Лексикология). Элиста, 1985 (*Bardaev E. Ch. Sovremennyi kalmickiy yazyk (Leksikologiya)*). Elista, 1985).

Бир, 2013: *Бир Р.* Тибетские буддийские символы. М., 2013 (*Bir R. Tibetckiyе buddiyskiye simvolу*. М., 2013).

Владимирцов, 1958: Волшебный мертвец: монгольско-ойратские сказки / Пер. Б. Я. Владимирцова. М., 1958 (*Volshebnyi mertvets: mongolo-oiratskiye skazki* / Per. B. Ya. Vladimirtsova. М., 1958).

Дылыкова-Парфионович: Глоссарий основных буддийских терминов и имен / Сост. В. С. Дылыкова-Парфионович [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://buriyatia.asia/slovar-buddiyskikh-terminov-i-imen/> (дата обращения 06.09.2014) (*Glossariу osnovnyh buddiyskih terminov i imyon* / Sostavitel V. S. Dylykova-Parfionovich).

Кубарева, 2012: *Кубарева Г.* Тибетская масляная скульптура [документальный фильм] // YouTube. 13 апреля 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.youtube.com/watch?v=-PNHAg9QwLY> (дата обращения 06.09.2014) (*Kubareva G. Tibetskaya masl'anaya skul'ptura*. Rossiya. 2012).

Леви-Строс, 1985: *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1985 (*Levi-Stross K. Strukturnaya antropologiya*. М., 1985).

Манджиев, 1962: Уксн цогцин хувлһэн. Монгол-ойратск туульс / Пер. Э. Г. Манджиева. Элиста, 1962 (*Uksn tsogtsin khuvlhyan. Mongol-oyratck tuuls* / Per. E. G. Mandzhiyeva).

Busk, 1873: Sagas from the Far East, or, Kalmouk and Mongolian traditionary tales. Land of Hofer," &c. [i. e. R. H. Busk] [1873] / Rachel Harriette Busk [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.ebooknetworking.net/books_detail-1112604316.html (дата обращения 01.09. 2014).

Mongolische Märchen-Sammlung. Die neun Märchen des Siddhi-Kür nach der ausführlicheren Redaction und die Geschichte des Ardschi-Bordschi Chan. Mongolisch mit deutscher Übersetzung und kritischen Anmerkungen herausgegeben von Bernhard Julg. Innsbruck: Verlag der Wagner'schen Universitäts-Buchhandlung, 1868. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.answers.com/topic/torma-1#ixzz2eF1s1A6M> (дата обращения 01.09. 2014).

rausgegeben von Bernhard Julg. Innsbruck: Verlag der Wagner'schen Universitäts-Buchhandlung, 1868. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: books.google.ru/books?id=nYHz1QSVQNYC... (дата обращения 01.09. 2014).

Oxford Dictionary of Buddhism: Oxford Dictionary of Buddhism. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.answers.com/topic/torma-1#ixzz2eF1s1A6M> (дата обращения 01.09. 2014).

El'bikova Bal'zira V.

The Buddhist phenomenon of «torma» in the original and translated texts of the fairy tales «The Siddhi-Kür»

The article is devoted to the concept of «torma» in the original and translated texts of the fairy tales «Siddhi-Kür». The article analyzes the «depth of perception» of the Buddhist phenomenon of torma which transmits the national flavour not only in the original text, but also in the translation. The article is of interest to folklorists, ethnographers and cultural specialists.

Key words: concept *torma*, a set of fairy tales «Siddhi-Kür», original and translated texts, ethnic identity.